

А. Н. Радищев – Лейпцигский курс обучения Э. ХЕКСЕЛЬШНАЙДЕР, Лейпциг

О лейпцигском периоде А. Н. Радищева в последние годы было проделано много работы, хотя и по сей день на некоторые проблемы были найдены лишь частично удовлетворительные ответы. Несмотря на подробные исследования, опубликованные М. А. Арзумановой, С. Хиллертом, П. Хоффманном, Э. Хексельшнайдером, А. И. Старцевым, А. Г. Татаринцевым и др., некоторые вопросы до сих пор не получили более глубокого прояснения: как протекало обучение? Как складывались отношения между русскими и немецкими студентами, а также между студентами и преподавателями? Следили ли русские студенты за университетской жизнью, или они вели замкнутое существование? Как сложилась судьба русской колонии после отъезда Радищева?

В следующем изложении предпринята попытка предоставить некоторые новые факты для ответа на эти вопросы, при этом хорошо известный фактический материал также подвергнут повторной проверке. Обобщение приводит к следующей картине:

Студенты (П. Т. Челищев, С. Н. Янов, А. М. Кутузов, И. Я. Насекин, А. В. Несвицкий, А. Н. Радищев, А. К. Рубановский, В. П. Трубецкой, Ф. В. Ушаков, М. В. Ушаков и В. Н. Зиновьев) прибыли со своим управляющим двора Герхардом Георгом фон Альтенбоком (Бокон) и священником Павлом 10 февраля 1767 года или даже раньше в Лейпциг и были сначала размещены в гостинице «Голубой ангел» на Петерштрассе (кстати, в 1789 году Н. М. Карамзин также останавливался с учителем Радищева Е. Платнером, а также с директором Академии художеств А. Ф. Озером). Уже 18 февраля Бок опубликовал объявление о поиске студенческих комнат; прибытие русских студентов, таким образом, не было заранее подготовлено через Дрезденское посольство или другие учреждения. В апреле студенты переехали на Иоганнисгассе 8 (позднее: Беттельгассе), в дом, принадлежавший обанкротившемуся владельцу транспортной и льняной компании Даниэлю Фридриху Кройцгауфу. Его брат, Франц Вильгельм Кройцгауф, был известным любителем живописи из Лейпцига, прославившимся своими каталогами. Не исключено, что Радищев проявил музыкальный интерес (он брал уроки у Марса с марта 1767 по апрель 1768 года у Гёпферта, а с ноября 1769 по май 1771 — уроки игры на скрипке у Бергера, а также, вероятно, весной 1767 посещал занятия по рисованию у Марино, который, возможно, преподавал в Академии художеств Озера), — здесь он мог получить определённые впечатления.

Он был зачислен в университет 26 февраля 1767 года ректором Иоганном Хейном.

...рих Винклер с обычным взносом за зачисление в размере 6 талеров, а также подписанием традиционной студенческой клятвы, которая гласила:

- 1) что студент должен быть послушен ректору и его преемникам и стараться принести как можно больше пользы Академии,
- 2) что он будет жить согласно академическим уставам,
- 3) что он не будет поддерживать пеннализм, национализм и другие *conventionalia* (устоявшиеся традиции), но будет способствовать их искоренению, и будет стремиться к приличной внешности,
- 4) что он не будет мстить за оскорбления,
- 5) что он покинет место обучения по окончании ареста,
- 6) что он не останется в месте обучения, если будет исключён или выслан, сверх установленного срока.

Эта клятва показывает, насколько сильно русские студенты в своём «возмущении» летом 1767 года, по мнению властей, нарушили университетские правила.

В начале апреля, с началом семестра, началось собственно обучение. Екатерина II в своей известной инструкции от 3 октября 1766 года установила особое направление курса, при этом два акцента были особенно важны: языки (латинский, немецкий, французский, в проекте инструкции также славянский = церковнославянский, хотя это не было реализовано, несмотря на то что в эти годы, например, польский язык преподавался в Лейпцигском университете Михаэлем Абрахамом Троцем), а также философские, исторические и юридические дисциплины. В целом студенты должны были слушать лекции у немецких профессоров и сами выбирать, что они хотят изучать, однако активное участие в университетской жизни было обязательным.

Однако пункт 8 определял, что выполнение учебного задания — важнейшая обязанность, и тот, кто её не выполняет, отстраняется. Остальная часть студенческой жизни была строго регламентирована, в частности, чрезмерной выдачей полномочий управляющему.

Для составления и уточнения учебного плана Бокум привлёк консультантов — сначала, по-видимому, логика Кристиана Готлиба Зайдлица. Первый учебный план был составлен Иоганном Готлобом Бёме (преподавателем и доверенным лицом графа Г. Г. Орлова и бывшим ректором), Кристианом Фюрхтеготтом Геллертом (чья репутация как преподавателя была безупречной) и его братом Кристлибом Эренгольдом (в 1736–1744 годах работал химиком в Петербурге), а также математиком и астрономом Готфридом Хейнисиусом (в этот период также работал в Петербурге в Академии). После «бунта» русских студентов Петер фон Хоэнтал в мае 1767 года привлёк ещё двух консультантов — теологов Иоганна Августа Эрнести (для гуманитарных наук) и Иоганна Фридриха Буршера.

Летний семестр 1767 года можно считать первым этапом обучения. Регулярные занятия длились с апреля по октябрь и представляли собой — насколько это известно — своего рода подготовительные курсы, проводившиеся отдельно от немецких студентов. После получения студенческого билета студенты должны были пройти обязательный минимум занятий — 24 часа в неделю (по 6 часов в день, кроме среды и субботы), включая дисциплины: немецкий язык, латинский, логика, французский язык и всеобщая история.

Основное внимание уделялось занятиям по немецкому языку — 8 часов, что, как показало время, было явно недостаточно, так как уже в 1769 году наблюдались серьёзные трудности у русских студентов с немецким произношением. Латынь и французский изучались по 4 часа. Немецкий язык в 1767/69 годах преподавал Иоганн Иоахим Швабе, представитель круга Готтшедов, который возглавлял «Общество свободных искусств» (временно также в качестве сеньора). Он преподавал немецкий...

Страница 3

Произведения Иоганна Кристофа Готтшеда (предположительно по его «Основам немецкого языка») и просветителя Иоганна Генриха Готтлоба фон Юсти (который критиковал Монтескьё в некоторых моментах с радикальных позиций) и, как говорилось о нём, «говорил латынь лучше, чем свой родной язык»¹. Латынь (а также практическая логика) студенты изучали в 1767/69 гг. у известного антиковеда Фридриха Вольфганга Рейца, который в 1771 г. хотел поехать в Петербург через Грецию, и чьи «Лекции по римской древности» (1796) стали важным учебным пособием для учащихся и преподавателей. Особым везением для студентов был их французский преподаватель Михаэль Хубер, известный Гёте, который долгое время жил во Франции, много переводил с французского (например, Клопштока), а также написал биографию Геллерта. Он явно имел хороший обзор не только немецкой поэзии, но и французской интеллектуальной жизни, так что неудивительно, если бы именно он побудил студентов заняться французским Просвещением. К этому добавляется его любовь к искусству и обширные знания в области истории искусства (он опубликовал в 1796–1801 гг. обширное «Руководство для любителей искусства и коллекционеров медных гравюр и их произведений»), что также отразилось на интересах русских студентов. Особенно рекомендовали студентам общую историю И. Г. Бёме и Логику уже упомянутого Х. Г. Сейдлица, который позднее сыграет ключевую роль для русской студенческой колонии. Между Сейдлицем и Бёме возник конфликт из-за обязанности заботиться о студентах, но студенты почитали обоих, даже если они ничего не слушали (хотя Бёме это сильно огорчало)!⁸

Все эти мероприятия не заменяли обязательных университетских лекций; материал по этим курсам закреплялся на специальных репетициях у Августа Витцмана и Готтлиба Неймана. Факультативно некоторые студенты посещали и другие лекции, особенно по морали у Христиана Фридриха Шмида, а также по естественным наукам⁹ (неясно, у кого именно) и брали уроки рисования и скрипки. Ф. В. Ушаков с самого начала пытался пойти своим путём, создать собственную программу без ограничивающих предписаний. Посещение лекций Шмида, вероятно, следует оценивать как первую попытку выйти из замкнутой атмосферы колонии и приспособиться к университетской среде, несмотря на языковые трудности (Шмид, как известно, преподавал на распространённом среди студентов французском языке), в чём мог сыграть роль именно этот шаг.¹¹

Именно этот семестр, как наиболее освещённый в литературе, оказался для студентов одновременно самым проблемным, особенно когда им в июле были выданы студенческие билеты.¹² Начальные трудности любого обучения, особенно необходимость в систематическом логическом и самостоятельном научном мышлении, характеризовали учебный процесс, как и утомительные, иногда многонедельные поездки: для этих юношей, едва достигших 19–20 лет, впечатления от чужой страны и совершенно иного мира были подавляющими.

Страница 4:

...го типа западноевропейского небольшого большого города (после Семилетней войны в Лейпциге было 25–30 тысяч жителей, тогда как в Петербурге в 1750 году проживало около 95 тысяч!); переход от придворной среды к строгой опеке университетского магистра, с одной стороны, но также чувство свободы от придворных и семейных ограничений (что выражалось в любовных приключениях, запрещённых прогулках верхом по Лейпцигу и отказе от поста по церковным праздникам); слабое знание немецкого языка и вытекающие из этого трудности в общении, а также постоянные конфликты с Боком и его административным давлением и финансовыми притеснениями.

Поэтому неудивительно, что уже 19 апреля 1767 года, всего за несколько дней до начала официальных занятий, произошло первое столкновение студентов, в результате оскорбления молодого Насакина был направлен жалобный документ в дрезденское посольство, и было начато расследование, которое стало известно и в городе. Это письмо, в своей наивной форме написанное в стиле просьбы к властям, вызвало недоверие и было передано чрезвычайному посланнику князю А. М. Белосельскому, который 5 мая 1767 года охарактеризовал его как «восстание».¹³ В конце июня речь уже шла о посещении лекций Бёме или о недозволенном посещении занятий у Шмида, что вызвало широкое негодование русских студентов против надзирателя и его методов, что в первой половине июля вылилось в длительное расследование как со стороны университетских властей, так и саксонского правительства, вплоть до вмешательства Питера фон Гозненталя. Его вмешательство привело к подавлению процесса, дрезденское посольство выступило за прекращение разбирательств; Гозненталь добился своего угрозами (включая досрочную отправку обратно в Россию), так что студенты – по крайней мере внешне – примирились с Боком.

Так началась вторая фаза лейпцигского периода обучения, которая продолжалась с осени 1767 до лета 1769 года. В течение этих семестров русские студенты явно учились очень интенсивно. Боком в письме от 4 сентября 1769 года сообщил, что студенты (с осени 1767 года к ним принадлежал и Д. А. Олсуфьев) в это время занимались индивидуально.¹⁴ Публикации расписаний лекций А. Ф. Шотта (о которых ранее считалось, что они утрачены) дают представление о том, какие именно лекции посещали студенты,¹⁵ поскольку можно исходить из того, что студенты с началом зимнего семестра 1767 года были интегрированы в обычное учебное расписание немецких студентов.

Первые официальные экзамены они сдали 2/3 мая 1768 года по предметам логика, естественное право, всеобщая история и «изящные науки»; кроме того, они должны были письменно подтвердить свои знания в области ученого и галантного письма (также официально – латинский, французский и немецкий) в форме specimen.¹⁶

В частности, русские студенты в 1767/69 годах слушали следующие предметы: логика у С. В. Рейца, естественное и народное право, общее государственное право, юридическая энциклопедия и методология, вероятно, римское право у А. Ф. Шотта, всеобщая история у Г. Ф. Кребеля, государственная история и история Германской империи у И. Г. Бёме и др., а также языки. Одним из важнейших преподавателей того времени следует назвать и Х. Ф. Геллерта, который...

Страница 5:

...с 1751 года работал внештатным профессором и в 1768/70 годах читал лекции по «Энциклопедии наук по Зульцеру», «Практическим рекомендациям по риторике», упражнениям в немецком стиле и преподаванию для воспитателей придворных (по Бюшингу), а также знаменитый курс моральной философии, пользовавшийся большой популярностью. Биограф Крамер писал: «Его лекции особенно посещались дворянами, которые приезжали в Лейпциг из разных стран и затем снова уезжали, оставляя такой отклик, что слух о них распространялся и среди молодых людей других сословий».¹⁷

Также Хубер отмечал этот международный резонанс деятельности Геллерта: «Его слава не ограничивалась границами Германии, у него были почитатели в Копенгагене, Петербурге, Лондоне и Париже. Путешественники из всех этих стран, оказавшись в Лейпциге, страстно стремились его увидеть».¹⁸

Влияние Геллерта на молодое поколение было огромным и производило особенно сильное впечатление на молодых русских, вызывая у них восхищение. Конечно, особая религиозность Геллерта, его религиозно окрашенное понимание морали в лекциях, которое многими слушателями воспринималось как строгая набожность, вероятно, прошло мимо русских студентов, особенно после их путешествия из Лейпцига, на котором они столкнулись с показной набожностью священника Павла. Гораздо важнее для них были практические литературные упражнения. Геллерт читал и анализировал тексты студентов и давал методические указания. В этих семинарах участвовали и русские студенты; так, например, Ф. В. Ушаков обсуждал написанное им на немецком языке (вероятно в 1769 году) эссе «О любви» (сравнение с Геллертом напрашивается). По словам Радищева, Ушаков даже был любимым учеником Геллерта, хотя документальных подтверждений этому пока не найдено.¹⁹

Геллерт, вероятно, стал важной фигурой для русских студентов: его лекции, как и научное наследие Радищева, были неотъемлемо связаны с научной этикой, служением Отечеству и знанием ради пользы. Когда Геллерту задали вопрос, зачем изучать науку, он ответил вопросом: «Чтобы использовать её во благо мира, а не просто для хвастовства и личного возвышения?» И он

конкретизировал свою позицию: «Честь, вознаграждение за усердие может оживить учебу, но не должна ею управлять».²⁰ Таким образом, Геллерт выступал против «низких целей» в учёбе. Даже тот, кто впоследствии занимает незначительную должность, не должен быть посредственным или невежественным.²¹

В заключение можно сказать, что влияние Геллерта на мышление русских студентов проявлялось как минимум в двух направлениях: в формировании определённых эстетических взглядов и в развитии научной этики. При этом его набожность и абсолютная преданность властям в эпоху Просвещения, казалось, перестали быть привлекательными для молодых людей, уже знакомых с другими идеями. Последние годы обучения русских студентов летом 1768 года были свидетелями одного из крупнейших студенческих волнений (Г. Витковский справедливо называет это «лейпцигским студенческим восстанием»²²) в одном из немецких университетов XVIII века...

Страница 6:

Так называемая война муз или «месенская война» (названная так по «Мейсен» или «Месен», лейпцигским городским солдатам), нашедшая отклик и в немецкой прессе. Летом 1768 года центр Лейпцига был потрясён многодневными бурными волнениями студентов, сопровождавшимися, в частности, кровопролитием, столкновениями и ожесточёнными демонстрациями между городскими солдатами и студентами.

Преыдушие исследования лейпцигского «времени Радищева» лишь упоминают эти волнения вскользь, так как участие русских студентов в них до сих пор не доказано. Тем не менее, заслуживает внимания тот факт, что именно этот эпизод делает годы пребывания Радищева в Лейпциге особенно интересными, поскольку он мог стать свидетелем крупных столкновений между государственными и свободолюбивыми студентами. Кроме того, нет сомнений, что русская колония — даже при отсутствии точных сведений о последних причинах студенческих беспорядков — внимательно наблюдала за происходящим. Для этого существуют хотя бы косвенные доказательства.

Беспорядки начались из-за того, что русских студентов отстранили от лекций доброжелательно настроенного ректора Бёме (ассистент известного советника Бокума Эрнести), который ввёл ряд ограничительных мер против студенческих свобод: запрет студенческих квартир у популярных профессоров, ограничение студенческих поездок и т.п. К этому добавились меры, ограничивающие культурную жизнь. Так, несмотря на протесты студентов, университет после своего вмешательства закрыл театральное здание на 1000 мест (открытое в 1766 году, в котором в 1767/68 гг. выступала известная труппа под руководством Генриха Готтфрида Коха, вместе с друзьями Гарбом, Плантером и Кройцгауфом), оставив только выступления по средам и четвергам, якобы для сохранения учебной дисциплины. Дополнительно был ужесточён контроль над студенческими тирадами.

Это сильно повлияло на студентов, которым пришлось перенести театральные представления в пригороды и на открытые площадки. Также имели место постоянные нападения городских солдат и советников на студентов. В ответ на эти репрессивные меры студенты предприняли ответные действия, выходящие за рамки привычных студенческих шуток, и представляли серьёзную угрозу общественному порядку, особенно во время крупных драк и забрасывания камнями.

Так, 12 августа 1768 года около 1500–2000 студентов и других горожан собрались на массовую демонстрацию в центре города: к зданию университета стекались от 600 до 700 человек. Это весьма значительное число, учитывая, что, по данным Эрлера, в то время в университете было в среднем всего 171 студент, записанный в учебный год. Также лекции бойкотировались. Городским властям пришлось 2 августа 1768 года перебросить в Лейпциг 300 солдат извне, что фактически привело к осадному положению и дополнительному напряжению в атмосфере.

Даже преподаватели, такие как итальянский лектор Фрапорта, юрист Иоганн Готтфрид Заммет и другие, солидаризировались со студентами. Так, теолог Крузиус был обвинён как интеллектуальный подстрекатель, якобы «пропагандирующий деизм, побуждающий студентов к пренебрежению к религии, свободомыслию, кокетству, пустому вкусу и т. д.»

Здесь особенно ясно проявилось сопротивление просветительским идеям со стороны наиболее реакционных кругов университетской среды.

Страница 7:

Мало вероятно, что столь сильное потрясение всего города, семинедельное непрекращающееся возмущение, прошло бы мимо русских студентов бесследно, тем более что некоторых студентов принуждали участвовать (с криками: «Право — честь студенческому братству!»). Кроме того, некоторые из студенческих требований 1768 года совпадали с теми, за которые русские студенты — пусть даже неосознанно — боролись ещё за год до этого в конфликте с Боком. Тогда речь шла о студенческих свободах, о праве свободного выбора лекций, об устранении мелочной опеки и о лучших условиях жизни. Социальный момент волнений, Торгорошен, вероятно, меньше влиял на русских, поскольку они жили за пределами города, тогда как Бокум взимал с них фиксированную плату в 100 талеров за двухлетний период. Кроме того, театрально заинтересованному Радищеву пришлось ограничиться в посещении театров. Также важно, что с лета 1767 года русские студенты уже жаловались на ректора Бёме как на одного из главных виновников беспорядков и направляли жалобы в Вице-президиум консистории в Дрезден, где барон фон Хоэннтал имел большое влияние. Последний в 1768 году возглавлял следственную комиссию по делу о «месенской войне». На полях отмечено, что Хоэннтал — вероятно, за свою дипломатичную позицию в скандале с Бокумом и за сокрытие этого конфликта — был награждён Александро-Невским орденом в сентябре 1768 года.

То, что русские студенты внимательно наблюдали за волнениями, и что всё это не прошло мимо них, подтверждается также косвенными свидетельствами. Так, в результате прекращения лекций в августе, на юридическом факультете 12 августа 1768 года выступил д-р Саммет, заявив, что русские его не слушают. Один чёрный вечер, описанный в письмах Геллерта, ярко отразил хождение туда-сюда между буйными студентами и университетскими властями. Даже Геллерт, столь почитаемый русскими студентами, был вынужден в своих лекциях дважды обращаться к ним с призывом прекратить беспорядки и вернуть порядок. Безрезультатно: он прервал лекции на 14 дней и покинул Лейпциг. В одном из писем он выражает своё отвращение к восставшим студентам: «Прочь от меня, господа, мои дорогие сыновья, перед этой вечной ночью!»

Бокум тоже был напрямую связан с этой «месенской войной». Он поручил стражу Гладисху выдать ему характеристику о поведении, так как тот должен был дать показания по делу. Русским студентам также не понравился тот факт, что в 1767 году по указанию Бокума адвокат д-р К. Г. Цитцманн с юридического факультета выступал против них как представитель университета, а летом 1768 года как адвокат и даже защитник протестующих студентов, за что впоследствии был приговорён к четырём дням тюремного заключения по университетскому решению.

Волнения были подавлены; проводилось расследование против 69 студентов, а также против некоторых преподавателей, поддерживавших студентов. Существенных успехов студенческое движение не добилося: Торгорошен остался, а театральная труппа Коха 18 октября 1768 года уехала в Веймар.

Страница 8:

Нет доказательств активного участия русских студентов. Это связано, конечно, прежде всего с отсутствием данных, но в гораздо большей степени с особой ситуацией русских студентов. Из дисциплинарных разбирательств летом 1767 года они прекрасно поняли, что научное познание — их настоящая задача — возможно только тогда, когда опека со стороны Бокума будет устранена (что им в значительной степени удалось благодаря протестам), но в то же время они договорились с Дрезденом и Петербургом. Это и объясняет их сдержанность, особенно учитывая, что эти студенты не образовывали единой революционной группы, а имели разные интересы и склонности, но также и политические взгляды. Возможно, они сочувствовали своим немецким сокурсникам, но ни в коем случае не выражали это публично. Что они придерживались такой позиции, подтверждает патент, изданный 28 октября 1768 года комиссией Хоэннталь, который угрожал иностранным студентам, участвовавшим в беспорядках, не только отчислением, но и уведомлением их правительств. Дословно там говорится: «... не меньшая кара для студентов-иностранцев с плохим поведением, если они совершили преступления, заслуживающие более сурового наказания, чем исключение вечно, также будет рассмотрена, возможно с потерей чести, и об этом немедленно будет сообщено в их отечество». ⁽²⁹⁾

Целью этой прокламации было устрашение студентов и предотвращение будущих восстаний. Насколько опыт русских студентов с 1767 года сыграл здесь роль, трудно оценить.

Последние семестры учёбы в Лейпциге, начиная с зимнего семестра 1769 года, почти полностью погружены во мрак. Уже 7 февраля 1769 года под руководством тогдашнего декана Карла Фридриха Хоммеля при участии И. Г. Бёме и юристов Ф. Г. Цоллера и Й. Л. Э. Пюттмана была предложена новая программа, охватывающая специальные предметы. Если снова обратиться к объявлениям о лекциях Шотта, можно увидеть, что студенты их посещали.⁽³⁰⁾ Практическая философия и немецкое право у Гарве, юридическая энциклопедия и методология у Пюттера и Романо-германское право у Шотта, немецкая правовая история и немецкое государственное право, а также европейская история государства у Ахенваля, Бёме, а также физика, математика, химия и медицина. Не доказано, что студенты слушали известного специалиста по уголовному праву Хоммеля, так как он в эти годы читал церковное право и немецкое частное право.

Весной 1770 года русские студенты сдали свои годовые работы, которые до сих пор не найдены. Только французская работа Ф. Ушакова «Рассуждение о праве на наказание и смертной казни» сохранилась. Работы Рубановского исчезли и известны только по названиям («О свойствах нейтралитета» и «О размножении народа»)⁽³¹⁾ По словам А. Г. Татаринцева, эссе Радищева «О добродетелях и пороках» также могло быть написано в его лейпцигские годы как письменная работа.⁽³²⁾

Важнейшими преподавателями этого периода были Эрнст Платнер, Август Фридрих Шотт и Кристиан Гарве. Русские студенты чаще всего посещали лекции профессора Шотта (после Бёме). Именно ему принадлежит заслуга в том, что он познакомил студентов с юридическим мастерством. Его систематический...

Страница 9:

...о юридической энциклопедии и методологии, для использования в академических лекциях» (1774) составлял важное учебное пособие и давал важные представления о педагогике. В нем соответствовало предложению, на основании которого была рассчитана четырехлетняя программа преподавания, предложенная для молодых русских в 1767/69 гг., которая, прежде всего, рекомендовала сначала юриспруденцию, затем естественные науки и, наконец, «прекрасные науки». У лейбницианца Платнера (с 1770 г. профессора медицины), который, как позже вспоминал Карамзин, помнил некоторых русских (например, К. и Р., под которыми, вероятно, подразумеваются Кутузов и Радищев, поскольку их отношения с немцами были наиболее вероятными — Козодавлев и Рубановский тоже предполагаются), это были метафизика и психология. Он также обучал юриспруденции, химии и с 1770 года физике. Его лекции пользовались большим успехом, отличались эклектизмом и своей

бессистемной подачей, поэтому они рекомендовались только студентам старших курсов.

Гарве преподавал им в последние годы немецкий язык. Гарве уже в 1766/67 гг. жил в Лейпциге с Геллертом, но затем переехал в Бреслау. Здесь он осенью 1767 года принял вернувшегося из Лейпцига на Украину студента Антона Кржановского (у него: Гришановский), которому этот домашний учитель по рекомендации математика Эберта. От него (о его мировоззрении нельзя говорить достаточно хвалебно), вероятно, он узнал много интересного о Восточной стране, так как его бреслауэрский друг провёл долгое время в России (более чем другие учителя). После смерти Тодта Гарве занял профессорскую должность по философии, очевидно, под давлением своих друзей Хубера и Рейца. Он во многом может считаться вдохновителем, особенно в передаче идеи воспитательного идеала. Очень положительно отзывался о нём Й. Б. Базедов за его педагогические усилия, в то время как физиогномическая теория И. К. Лафатера была отвергнута. Можно ли видеть в этом подходе следы работы Радищева с обоими? Во всяком случае, взгляды Гарве и Радищева, похоже, совпадали. Относительно болезни Гарве сообщал из Бреслау, что он описывал Радищева как «блестящего» в своих «Философских замечаниях и сочинениях на темы из книг Цицерона об обязанностях». Не следует также упускать из виду, что Гарве к концу века выработал дистанцированное отношение к Французской революции и реакционную позицию в крестьянском вопросе.

Даже в последние годы в Лейпциге студенты проявляли серьёзные усилия в изучении науки. С усердием они также следили за текущими событиями в России. Уже в ранние годы они впитывали и перерабатывали все важные события, в том числе, конечно, сообщения о русском Законодательном собрании Екатерины II 1767/68 годов (которые, например, публиковались в «Лейпцигских газетах», как докладывали русские участники, которые подробно и положительно интерпретировали знаменитую «Инструкцию» через своего преподавателя Шотта, который в 1768 году написал обширную рецензию, чтобы лучше ознакомиться с ней), а также о начале и ходе русско-турецкой войны 1768/74 гг. Помимо своей университетской учебы, они с конца 1768 года изучали труды Гельвеция и Мабли.

Страница 10:

Однако желание вернуться на родину усиливается, особенно после того, как череда трагических событий потрясает их круг. 25 апреля 1770 года умирает А. В. Несвицкий; 6 июня 1770 года — Ф. В. Ушаков. Напряжённость в отношениях с Бокумом усиливается. Студенты страдают из-за учёбы, плохого климата в Лейпциге, недостаточного питания и недостойных условий проживания. Однако из современников можно узнать, что студенческие комнаты в Лейпциге находились в столь ужасном состоянии, что даже известное описание курьера кабинета М. Яковлева о состоянии дома на Хайнштрассе 8 (куда студенты, вероятно, переехали осенью 1769 года) свидетельствует не только о позиции Бокума, но и о состоянии в целом.

Яковлев прибыл в Лейпциг в ноябре 1770 года для инспекции, в составе свиты российского посланника А. М. Белосельского, который провёл обыск в январе 1771 года. После этого Бокум был арестован лейпцигскими властями — очевидно, несмотря на многолетние хорошие отношения с городскими и университетскими властями (он даже жил на Хёэнмаркте), — и в мае 1771 года после освобождения из-под стражи бежал в Хёэна, оставив долги на 18 000 талеров. Надзор за студентами принял на себя Зейдлиц.

В это время из первоначальной студенческой колонии в Лейпциге оставались лишь пятеро: Янов, Рубановский, Радищев, Кутузов, а также В. Н. Зиновьев, самый младший из них, который оставался в Лейпциге до 1772 года. Остальные студенты умерли либо ранее уехали на родину, как, например, М. В. Ушаков (8 сентября 1768 года), Челищев и Трубецкой (26 сентября 1770 года), и Насакин (27 февраля 1771 года). Позднее в Лейпциг были направлены другие русские студенты, а именно Д. А. Олсуфьев (осень 1767 года), С. А. Олсуфьев и О. П. Козодавлев (с апреля 1769 года), Н. П. Чолопов (с 11 июня 1769 года) и А. Г. Теплов (с 25 октября 1769 года), которые из-за внутренних разногласий в колонии почти не участвовали в коллективной борьбе против Бокума и оставались в стороне. Неясно даже, жили ли они вместе или (по крайней мере до 1771 года) отдельно, поскольку проживали раздельно. С ноября 1770 года к ним присоединились Н. Матюшкин, Н. Волков и В. Мельгунов — новая колония русских студентов в Лейпциге. Только С. Олсуфьев и Козодавлев, казалось, поддерживали дружеские отношения с Радищевым, что и подтверждается его позднейшим посвящением «Путешествия из Петербурга в Москву».

Таким образом, Янов, Рубановский, Кутузов и Радищев в летнем семестре 1771 года, который должен был стать их последним, предприняли самостоятельный шаг. Очевидно, по настоянию Яковлева, они переехали — в последний раз — в дом на Томасштрассе, где теперь проживали все русские студенты. Тем не менее, именно в последнем семестре студенческая жизнь для них почти закончилась. После того, как они основательно изучили труды французских просветителей, им стало неприятно рутинное университетское обучение. Учебное предложение казалось им в целом скучным. То, что сначала могло показаться новым — лекции по философии и праву, особенно по историческим дисциплинам — стало монотонным, повторяющимся и малооригинальным. Различия между преподавателями были едва различимы. В конце концов, этот процесс познания больше не оказывал влияния на их изучение французского Просвещения. Поэтому в мае 1771 года они по различным причинам прекратили посещение лекций: Янов у Бёме; Радищев у всех профессоров. Так до экзаменов дело не дошло.

Экзамены на степень к Пасхе 1771 года не состоялись, так как профессора отказались допустить студентов без посещения лекций, особенно потому, что это могло бы повлиять на других студентов. Таким образом, студенты

фактически (за исключением ежегодных публичных экзаменов в 1770 году) были протестированы только по отдельным предметам.

В конце октября 1771 года Радищев, Рубановский и Кутузов уехали в Петербург; Янов остался на дипломатической службе в дрезденском посольстве. Один из важнейших эпизодов раннего русского обучения за границей подошёл к концу, оставив заметный след в жизни этих молодых людей.

Тем временем, как уже упоминалось, прибыли новые студенты из России, которые частично заняли места первых колонистов. Петербургский двор, несмотря на прежние проблемы и тревоги, по-видимому, считал эксперимент успешным. Эта история до сих пор едва исследована; только М. И. Сухомлинов даёт более точные сведения, в которых снова появляется имя Радищева.

Профессор Зейдлиц снова взял на себя ответственность за воспитание и обучение Олсуфьевых и Мельгунова, тогда как профессор Шотт заботился о Козодавлеве, Матюшкине и Волкове. Здесь речь идёт не просто об отдельных «эпизодах». Так, например, старший Олсуфьев влюбился в дочь одного лейпцигского купца, но был вынужден разорвать отношения из-за вмешательства отца и опасений Зейдлица (который заботился о своей репутации преподавателя в городе).

В целом кажется, что эти студенты чувствовали себя свободнее, чем их предшественники, по крайней мере, сохранились заметки о контактах с немецкими сокурсниками. Одной из таких точек соприкосновения был студент Карл Аугуст Зегниц, который записался в Лейпцигский университет 31 августа 1770 года. В хранящейся в университете матрикюляционной книге находятся рукописные записи Козодавлева от 21 октября 1770 года, от обоих Олсуфьевых от 11 февраля 1771 года, от Зиновьева и Волкова от 10 января 1771 года с обычными посвящениями и цитатами на латыни, французском и немецком языках. С 1773 года надзор за русскими студентами взял на себя д-р Йоханн Самуэль Траутгот Гелер, старший советник и сенатор. О времени их пребывания после этого известно мало.

В заключение можно сказать: на сегодняшний день всё ещё не проведено достаточно основательное исследование архивов и библиотек Лейпцига и Дрездена, чтобы воссоздать повседневную жизнь этих студентов. Но уже сейчас можно найти новые мозаичные камешки, помогающие понять жизнь первых русских студентов за границей, из среды которых позднее вышел важный участник эпохи русского Просвещения — первый русский революционер А. Н. Радищев.